

Письма М. А. Дмитриева к Чаадаеву

Памятники философской мысли

П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 2

Письма П. Я. Чаадаева и комментарии к ним. Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву. Архивные документы. Именной указатель к 1 и 2 томам.

М., "Наука", 1991

Новые переводы с французского Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, В. В. Сапова

Составление и комментарии С. Г. Блинова, Л. З. Каменской, З. А. Каменского, М. П. Лепехина, В. В. Сапова, М. И. Чемериской

Ответственный редактор доктор философских наук З. А. Каменский

[OCR Бычков М. Н.](#)

30 августа, 1847. Суббота.

Благодарю вас, почтеннейший Петр Яковлевич, за ваше внимание к моему беглому замечанию. Я теперь перечитал письмо ваше не однажды. Вот фраза, которая вчера остановила и меня и Погодина: [что наше прошедшее не настолько лишено мысли, как это утверждают, и что наша история по праву займет свое место в общей истории цивилизованных народов] ¹. Мне хотелось бы, чтобы русский казался даже и не подозревающим той мысли в иностранце, что будто наше прошедшее не имеет в себе мысли. Мне показалось это, во-первых, почти лишним, потому что иностранцы, мало занимающиеся нашей историей, едва ли делают нам подобный упрек, во-вторых, это было бы не вполне справедливо: во все свои эпохи наша история представляет какую-либо *одну* мысль, на которую нанизываются все происшествия, и именно *ту*, которая в эту эпоху нужнее. Вот эти мысли: сперва родового единства, потом освобождения, потом целостности государства, потом силы политической; и эта мысль, составляющая непрерывную нить в нашей истории, есть *одна и та же*, заключающаяся в слове: *Россия*, потому уже, что она для нее одной, для ее только истории прилична, а не для всякого другого государства. Были эпохи, в которые во многих государствах Европы господствовала одна общая мысль: это оттого только, что в те эпохи их интерес был общий, их история имела сходство; *но не наоборот!* - Таковы были, например, крестовые походы. Я думаю, что не они начались от мысли, а напротив, при первом воззвании, если мысль об них пробежала как электрическая искра, то потому, что пришлась кстати; а пришлась она вовремя потому, что народам худо было дома и что все нудило к переменам. - Наша история шла путем особым; и потому в ней мысль *своя*, но единая и целая. Даже и теперь, когда мы, стоя близко к происшествиям и ко всему, что творится на святой Руси, видим только части и не можем обнять целого. Мы не можем, однако, отрицать, чтобы во всем этом не было мысли, истекающей прямо из истории. Даже вчерашний разговор наш и те мысли, которые мы обнаруживали с такою скромностию, они *не наши*: они лежат в теперешней нашей истории, из которой непременно их выведет будущий историк, указав на факты.

Теперь два слова о другой части вашей фразы: [что наша история по праву займет свое место в общей истории цивилизованных народов]. Мне хотелось бы, чтобы русский представлялся стоящим твердою ногою между просвещенными народами; чтобы он показывал им, что стоит между ними на своем месте, чтобы он не добивался этого, как особой чести, чтобы он казался, наконец, и неподозревающим того, чтобы иностранцы могли оспаривать это место и у него и у его истории: этого требует и народное достоинство и справедливость.

Вот мои мысли, почтеннейший Петр Яковлевич! Я могу ошибаться, как и другой, но я думаю, что прекрасное письмо ваше не потеряло бы ничего, если бы вы несколько изменили это место. Извините мою откровенность; вы сами желали ее, и она порука за то уважение, с которым всегда буду искренне вам преданным.

Мих. Дмитриев.

P. S. По желанию вашему я посылаю письмо ваше к Погодину: он находит, что России рекомендоваться должно смелее.

Мне жаль расстаться с другим письмом вашим; но повинуюсь, и посылаю. Не можете ли сделать